

Пасха. Холст, масло. 2008.

Незарытый талант

Андрей МИРОНОВ служит в милиции, а в свободное время пишет картины на евангельские сюжеты.

Когда офицер милиции Андрей Николаевич Миронов принес свои картины в оргкомитет одной из рязанских выставок, они вызвали некоторый шок. Никому не известный человек в милицейских погонах оказался автором нескольких десятков необычных работ, написанных в старинной технике и стилистике.

Картины милиционера Миронова многие не приняли, раскритиковали: среди представленных на выставку современных и авангардных работ они прозвучали неожиданно ярким диссонансом. Но несколько из них, написанных по евангельским сюжетам, нашли свое место в стенах Казанского женского монастыря Рязани. А на прошедшем недавно в Москве Международном конкурсе живописи RUSSIAN ART WEEK Андрей Миронов стал победителем в номинации... «профи». Его картина «Знание и Вера» была признана луч-

шей среди сотен работ профессиональных молодых художников.

Крест и птица

Андрей не помнит, как пришел к вере. Скорее всего, несмотря на свое советское детство, он и не был атеистом – просто всегда жил с ощущением Бога. Его школьные годы прошли вдали от шумных городов – в таежном северо-уральском поселке Хорпия (по-мансийски – «северное сияние»), куда отца направили на работу начальником отряда коло-

нии особого режима. Морозы зимой достигали там минус шестидесяти, а все жители поселка либо работали на зоне, либо возили лес. Тогда Андрей и увлекся рисованием, раздобыв в школьной библиотеке пособие для юных художников.

После школы он пытался поступить в художественное училище, но неудачно. И когда наступило время призыва в армию, пошел служить. Последние полгода службы прошли в Чечне:

— Мы не знали, куда и зачем нас везут. Отправляли зимой, но почему-то без теплой одежды – ни шарфа, ни варежек, ни даже носок. Ноги босые, сапоги рваные – туда постоянно набивался снег. Стоишь в карауле по семь часов и трясешься, да и потом согреться негде.

Эти полгода солдаты буквально жили в машинах. Спали прямо в кабине или в кузове – скрючившись, привалившись друг к другу. Мыться было негде, и от укусов вшей живого места не оставалось.

Однажды, когда стало совсем невмоготу, Андрей устроил себе «стирку»: растопил снег и прокипятил одежду вместе с бушлатом. Потом надел мокрые вещи на себя и ходил так несколько дней – высушить их по-другому не было возможности.

Тяжело приходилось и с едой. Из смеси гороха и крупы варили что-то наподобие клейстера и ели все это без соли, которую почему-то не выдавали. Хлеб привозили всегда испачканный мазутом. Солдатики – вчерашние школьники – чтобы разнообразить меню, стреляли голубей и искали по подвалам картошку, а однажды стащили у командиров пятилитровую банку подсолнечного масла и ели потом с хлебом. Но Андрей вспоминает это время спокойно:

— Мы не видели причин для ропота. Казалось, так и должно быть: армия, полевые условия... И когда командир полка перед строем пообещал вернуть назад любого, кто не выдерживает, желающих не было ни тогда, ни после. Сам-то я в боевых действиях участвовал мало, но потрепало нас изрядно, отдельные роты редели на глазах. Те события до предела обострили все хорошее и плохое, что было в нас. Я многое узнал о себе, а ведь это очень важно – знать самого себя без прикрас. Именно в то время я стал обдумывать сюжет картины, которую написал лишь спустя десять лет: распятый Спаситель, а над ним – хрупкая сухая веточка с распутившимся цветком, которую держит в клюве присевшая на перекладину креста птица...

Голодная – значит управляемая?

Андрей никогда не собирался служить в милиции. Но в 1995 году, придя из армии, он просто не нашел другой стабильной работы – и вот уже двенадцать лет здесь.

К милиции в обществе сегодня не самое теплое отношение. Как ни печально, но большой и справедливый дядя Степа давно стал для нас не более чем сказочным персонажем, затерявшимся где-то в глубине детской памяти, а нынешние представления о милиции складываются уже из совсем других источников – телевизионных сериалов и газетных страшилок про «оборотней в погонах». Насколько справедливы эти обвинения? Возможно ли, работая в «органах», жить по заповедям и просто сохранять веру? Андрей считает, что возможно:

— В сущности, милиционер ничем не отличается от других людей, и «оборотней» у нас не больше, чем повсюду – люди-то везде одинаковые. А вот ведут себя по-разному. В зависимости от условий... Можно много говорить на эту тему, но хорошим подспорьем словам было бы воочию посмотреть, как живут и работают милиционеры. ➔

Знание и Вера. Холст, масло. 2007.

Евангелист Матфей и ангел. Холст, масло. 2007.

Это выматывающий и связанный с риском для жизни труд. Вкупе с низкой зарплатой и негативным отношением со стороны общества — довольно взрывоопасная смесь. Власть над людьми при таких условиях рождает коррупцию и произвол совершенно естественным, и я бы сказал — неизбежным образом. Но даже среди старослужащих, поверьте, не исчезает желание быть хорошим милиционером.

Звучит смешно, но вот времени и сил на порядочность и внимание к гражданам остается не у каждого. Эти силы съедает сердцевина милицмейской жизни, которая для наших обличителей не видна: планы, проверки, сверхурочки, жалобы и бесконечные проблемы в семье.

Иногда слышишь: «От увеличения зарплат «брат» не перестанут». Но зато из числа желающих служить появится возможность выби-

рать достойных... На деле же бывали случаи, когда задержанному в клетке предлагали: «Пойдешь к нам работать — отпущу». Может, кому-то выгодно иметь голодную милицию? И тогда управлять ею легче?

В эпицентре страстей и пороков

— Помогает ли вера в моей работе? Да, помогает. Служба наша связана, с одной стороны, с постоянным конфликтом — все, как говорится, «на нервах», — а с другой стороны — здесь полный букет пороков и соблазнов. Не имея внутреннего стержня, человек может принять облик среды, с которой призван бороться. Перенимаются даже сам язык, стиль общения криминалитета. Скажем, если вы сядете в милицмейский УАЗик и в нем будет играть магнитола, то скорее всего, услышите шансон, в том числе блатной: «...мусора, волки, пацанчика сгубили!». Циничному, грубому, равнодушному человеку проще работать в милиции. А вот вера выступит здесь стержнем. Она способна укрепить порядочного человека и предупредить деформацию человека нравственно незрелого.

Рассуждая о своей службе, Андрей высказывает и более радикальное мнение:

— Милиционер находится, можно сказать, в эпицентре страстей и пороков. Но в этом есть и несомненная польза для души. Потому что на подобной работе появляется очень важная для христианина черта: люди перестают строить иллюзии по поводу себя. Многие из того, что есть в человеке, раскрывается лишь в экстремальной ситуации. И человек, живущий тихой, без потрясений жизнью, рискует так и не узнать себя, он теряет способность к покаянию. «Грешен?» — «Грешен». А в чем — не знает: слова грубого не молвит, в церковь ходит...

Иногда «святого» окунуть бы с головой в милицмейскую «кашу», — только спасибо скажет: столько узнает он о себе! И тогда уже не «грешен, батюшка...» скажет, а «спасите меня, окаянного! — я, оказывается, хам, притворщик и трус». То-то будет исповедь!

Он считает, что в законе нет никаких норм, мешающих милиционеру быть благочестивым христианином:

— В Заповедях Блаженства сказано: «Не противься

злому» и «Блаженны кроткие». Применительно к своей работе я понимаю это так: злу нельзя отвечать его же средствами — мстостью, лжесвидетельством, причинением боли. Ни закон, ни приказы начальства не заставляют сотрудника милиции так поступать. А по поводу кротости... Разве милиционер должен быть буяном? Тем более, что «кроткий» — не значит застенчивый, а скорее, скромный, сдержанный. Бывают случаи, когда милиционер обязан применять оружие на поражение. Но «не убий» означает «не будь убийцей». Разве можно назвать убийцей человека, которому общество само вручило оружие и, что особенно важно, доверило свою безопасность. Если нет, то и защита Отечества тоже грех. Но и Отечество, и человека защищать необходимо.

Бывает, что перед милиционером встает другая дилемма: поступить по закону или по совести. Парадоксально, но именно совесть иной раз и подсказывает милиционеру поступиться законом: помните подброшенный Жегловым кошелек и сакраментальная его фраза: «Вор должен сидеть в тюрьме»?

Закон на каждый случай жизни не пропишешь, и «дописывать» его приходится милиционеру. И приоритетной ценностью для него в этом случае являются не права и свободы человека, от которых уже стонет Запад, а сам человек. Беда в том, что, пытаясь действовать «по справедливости», уверенный в своей правоте милиционер в одних случаях действительно спасает чьи-то жизни, а в других — лишь умножает зло.

Герои, похожие на нас

Приходя вечером домой и снимая милицмейскую форму, Миронов достает палитру и кисть и из милиционера превращается в художника. Что движет человеком, заставляя его тратить свое свободное время и половину зарплаты на увлечение? Что за невероятная сила дается ростку, пробивающемуся сквозь бетон, и таланту, прокладывающему себе путь сквозь толщу жизненных обстоятельств, привычек и сомнений?

— Я всегда считал себя художником и знал, что когда-то в будущем это обязательно проявится. Но время шло, работа и учеба в Высшей школе МВД отнимали все силы. Я не писал почти десять лет. А подтолкнул меня к творчеству

Христос в темнице. Холст, масло. 2008.

сослуживец — полковник милиции Беззубцев. Он меня несколько месяцев «терроризировал»: «Когда рисовать будешь?! Ты же художник — так рисуй!». С его легкой руки я и вернулся к живописи. Техника была еще не наработана, знаний не хватало, но очень скоро я понял, что начинается новый этап моей жизни.

За два года Андрей Миронов написал несколько десятков кар-

тин на евангельскую тему. Многие из героев его полотен похожи... на него самого, на сослуживцев и родственников. И кто знает — только ли из-за отсутствия натурщиков. А может быть потому, что евангельские истории остаются актуальными и в нашей современной жизни. Как и всем известная притча о талантах. ■

Любовь КАНТАРЖИ